

Мышь и павлин

Лира Тесс

Ли́ра Тесс

Мышь и павлин

<https://litres.ru/74619718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Теодор Вальден — душа любого бала, мастер каламбура и обладатель самой долговязой коллекции жилетов в королевстве. Он твердо знает три вещи: шутка спасает от скуки, скука хуже долгов, а жениться он собирался не раньше сорока. Увы, за завтраком отец сообщает ему, что планы изменились. Невеста выбрана, договор подписан, пастбища на северной границе уже в восторге. Элеонора Ривенхолл — тихая, приличная и очень миловидная. Правда, по общему мнению света, примерно как красивая стена.

После свадьбы в его поместье поселяется не только жена, но и нечто куда более неожиданное. То, что Теодор привык считать тихой и предсказуемой, вдруг оказывается куда сложнее. А когда в доме появляются гости, все снова становится прежним. Кто из них двоих на самом деле прячется за удобной маской? И что делать графу, если брак по расчету вдруг перестает быть только сделкой? Легкая, теплая история о двух щитах, одном поместье и браке по расчету, в котором никто не рассчитывал на любовь.

Содержание

Глава 1. Завтрак, на котором все решили

4

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Ли́ра Тесс

Мышь и павлин

Глава 1. Завтрак, на котором все решили

Из журнала наблюдений графа Т. В. Запись первая, сделанная вечером того же дня. Состояние духа: бодрое (запись неверна). Состояние жилета: безупречное.

Меня, надо сказать, в свете знали. Знали по голосу, по жилетам и по привычке появляться в дверях за секунду до того, как в зале становилось скучно. Я был душой любого бала, а душа, как известно, нигде подолгу не задерживается: потанцевала, пошутила, исчезла. Мне было двадцать семь, я ни разу никому не отказал в остроте и ни разу не остался дома в субботу. Если бы меня спросили, чем я занимаюсь, я бы ответил: «Стараюсь, чтобы всем было весело». Если бы меня спросили, весело ли мне самому, я бы ответил очень быстро и очень смешно, так что спрашивающий забыл бы, о чем шла речь.

Я пришел на завтрак подготовленным. Прошу это отметить, потому что в дальнейшем мне долго не доводилось быть подготовленным хоть к чему-нибудь.

Дело в том, что накануне я получил счет от своего портного, господина Фрейзера. Шестьсот крон. За жилеты. Я готов был объяснить, что жилет есть не прихоть, а мировоззрение, что желтый в мелкую клетку нельзя было не купить, ибо он взглянул на меня с витрины первым, и что я, в сущности, лишь обеспечил честному человеку работу на целый квартал. Речь вышла на славу. Я репетировал ее перед зеркалом и дважды остался собой доволен.

Столовая в нашем доме в Вельгорде, столице славного королевства Эльмарк, была из тех, где солнце входит на цыпочках. Длинный стол на двенадцать стульев, из которых занимались два, и такая тишина, что слышно было, как остывает чай. Матушка, к слову, отсутствовала: уже четвертый месяц она лечила нервы на водах в Гессельне, откуда присылала письма с рекомендациями по укреплению моего характера. Нервов у нее, по-моему, было предостаточно, но лечила она их главным образом расстоянием от отца.

У отца, графа Максимилиана Вальдена, была привычка есть яйцо вкрутую, не отрывая взгляда от собеседника, как полководец принимает капитуляцию. Он как раз закончил с верхушкой, когда я вошел, поклонился и сел напротив, так бодро улыбаясь, что сам себя заподозрил в чем-то.

— Доброе утро, отец. Прекрасная погода. Облака, знаете ли, в этом году особенно выразительны.

— Теодор, — сказал отец.

Так он говорил всегда. Одно слово, но в нем было место

для целой лекции.

Мой отец был человеком государственного склада. Это значит, что любую проблему он делил на то, что можно подписать, и то, что можно пережить, и в обеих категориях меня, как правило, не оказывалось. Он любил меня, не сомневаюсь, но любил так, как любят хорошую лошадь из фамильной конюшни: гордился, вовремя кормил и совершенно не представлял, о чем с ней разговаривать.

— Я могу объяснить насчет жилетов.

— Какие жилеты?

Это было плохо. Если отец не помнит жилетов, значит, речь пойдет о чем-то, что страшнее жилетов. Я бросил взгляд на Бартоломью, нашего мажордома. Он стоял у буфета с чайником, и лицо его выражало ровно то, что выражает хорошо отполированный камень: ничего и очень тщательно.

— Бартоломью, — шепнул я, — вы знаете, что будет?

— Я не осведомлен о делах, не поданных к столу, ваше сиятельство.

— А это подали к столу?

— Яйца, ваше сиятельство. Остальное, — он наклонил чайник с ювелирной точностью, — вы сами.

Бартоломью служил нашему дому с тех пор, как я себя помню, и за все это время ни разу не выказал удивления. Я пробовал. Однажды в юности я поселил в его кладовой козу, чтобы застать его врасплох. Он вошел, оглядел козу, оглядел меня и доложил, что животное размещено согласно статусу,

а вот чай задерживается по моей вине. Я потом неделю чувствовал себя проигравшим.

Отец тем временем достал из внутреннего кармана свиток с тремя печатями. Я насчитал три и сразу понял, что дело плохо. Жилетные счета печатей не требуют. Отец развернул бумагу, откашлялся и зачитал таким голосом, каким обычно зачитывают меню на королевском обеде:

— «Статья первая. Дом Вальденов и дом Ривенхоллов, движимые взаимным уважением и желанием упрочить мир в королевстве, объявляют о союзе своих детей...»

Я перестал жевать.

— «...в лице Теодора, графа Вальдена, и Элеоноры, единственной дочери маркиза Ривенхолла».

Я проглотил то, что жевал. Оно проскочило с трудом, как плохая новость.

— Отец, вы сейчас говорите... о свадьбе?

— Статья вторая. О приданом.

— Отец!

— Статья третья. О северных пастбищах.

— О каких пастбищах?

— О северных, — терпеливо повторил отец. — Тех самых, из-за которых наши дома сорок лет не могли друг с другом разговаривать. Теперь они общие. Это, Теодор, и есть основа союза.

Мне захотелось сказать, что основа союза должна быть чуть романтичнее овец. Но я промолчал. Не из мудрости.

Просто меня никогда прежде не женили по статьям, и я не знал, в какой из них можно вставить реплику.

К тому же у меня был план. Он у меня был всегда, просто обычно его никто не спрашивал. Согласно плану, я должен был жениться лет в сорок, на вдове лет сорока пяти, у которой к тому времени будет собственное мнение, собственный капитал и собственное расписание, в которое меня не придется вписывать. План был хорош всем, кроме одного: в нем не предусматривались ни юная невеста, ни пастбища, ни отец с тремя печатями.

— Элеонора Ривенхолл, — произнес я, пытаясь ухватить хоть что-нибудь знакомое. — Это ведь та, которая...

— Какая?

— Ну... которая стоит у колонны.

Отец помолчал.

— Все барышни стоят у колонны, Теодор. Это такая особенность колонн.

— Но эта стоит... как бы сказать. Особенно у колонны. Я, признаться, ни разу не слышал, чтобы она что-нибудь говорила.

— Значит, не станет перебивать.

Он сказал это совершенно искренне. В этом и ужас: отец в самом деле считал немногословие достоинством жены, а не диагнозом.

Тут, впрочем, я слукавил. Роясь в памяти, я вдруг вспомнил, что нас, кажется, представляли друг другу. Зимой, у

графини Ормонд, в углу, между колонной и пальмой в кадке. Я был в ударе. Я рассказал ей анекдот про епископа и сыр, потом другой, про сыр и епископа, потом, для разнообразия, про пальму. Она слушала, не отрывая глаз от моего галстука, и когда я наконец иссяк, сказала: «Благодарю вас».

Я спросил: «За что?»

Она подумала и ответила: «Так принято».

Тут я поклонился и ушел к людям, которые умеют смеяться. Но, уходя, готов поклясться, услышал за спиной странный звук. Что-то вроде короткого фыркания. Разумеется, это была тетушка Аделаида, стоявшая в трех шагах и мучимая насморком. Больше никому.

Я откинулся на стуле и в одно мгновение увидел всю свою будущую жизнь. Ряд утренних завтраков, на которых напротив меня сидит вежливое лицо и отвечает «как вам будет угодно». Ряд вечеров, на которых я произношу остроумное замечание в пустоту и слышу, как оно звенит в гостиной, будто упавшая вилка. Сорок лет. Может быть, пятьдесят, если повезет со здоровьем, чего я, судя по этой перспективе, уже не желал.

Вы, возможно, решите, что я преувеличиваю. Что молодой граф, привыкший к вниманию, просто обиделся на то, что его не спросили. Отчасти так и есть. Но было и другое, чего я тогда не смел назвать. Я боялся скуки так, как иные боятся грома. Я всю жизнь от нее спасался: шутками, чужими разговорами, чужим смехом. Стоило мне остаться в ти-

шине дольше чем на минуту, внутри что-то начинало скрестись, и я немедленно что-нибудь говорил, лишь бы заглушить. А теперь мне предлагали тишину пожизненно, с приданным и пастбищами.

— Отец, — начал я осторожно, — а если бы я... возразил?

Отец посмотрел на меня с неподдельным интересом, как на говорящую табакерку.

— Возражай.

Наступила пауза. Я выпрямился, набрал воздуха и обвел взглядом столовую. Со стен на меня глядели шесть поколений Вальденов, и ни один из них не выглядел человеком, которого когда-либо спрашивали, согласен ли он. Дед справа, судя по портрету, вообще женился на пушечной батарее. По крайней мере, так он на ней смотрелся.

В тишине тикали часы. Я раньше их не замечал. Тикали они громко, с чувством, будто знали что-то про мою судьбу и не торопились делиться. Мне стало невыносимо, и я, разумеется, заговорил:

— Какие у вас, отец, прекрасные часы.

— Это твои часы, Теодор. Ты подарил их мне на именины пять лет назад.

— Я знаю. Хотел услышать, что вы помните.

Отец вздохнул и аккуратно положил ложку.

— Возражай по существу.

Я собрался с духом.

— Я не люблю ее!

— Ты ее не знаешь.

— Вот именно!

— Значит, и не разлюбишь. Это очень выгодно в браке. Мы с твоей матерью познакомились у алтаря, и вот уже тридцать лет...

— Матушка четвертый месяц на водах, отец.

— Тридцать лет, — с достоинством повторил он, — и ни одного скандала.

— Мне еще рано!

— Тебе двадцать семь.

— Я не готов!

— Никто не готов. Я не был готов. Король не был готов. Нас всех поставили перед фактом, и вот мы здесь: процветаем.

Я хотел заметить, что процветаем мы по большей части на чужих пастбищах, но вовремя прикусил язык. Оставалось последнее средство, самое надежное: торжественное вступление.

— Видите ли, — сказал я, — дело в том, что я...

— Король одобрил.

Я закрыл рот.

— Лично, — добавил отец. — Вчера. Он сказал, что это лучшая новость для королевства со времен осушения болот.

Тут, друзья мои, возражать следовало бы уже болотам. Что я мог противопоставить одобрению короля, договору с тремя печатями и сорока годам пастбищной вражды? Свои

жилеты?

Никто не запрещал мне возражать. В этом и была вся хитрость. Просто в нашем кругу существуют вещи, против которых не возражают, так же как не возражают дождю или те тушке Аделаиде. Ты кланяешься, говоришь «разумеется», а потом идешь в сад и громко разговариваешь с живой изгородью.

— Свадьба через четыре месяца, — подытожил отец и аккуратно сложил свиток. — Знакомиться поедешь в четверг, к ним в дом. Мать невесты ждет тебя к трем. Она, кстати, очень приличная женщина. Говорит исключительно по существу.

— Это не обнадеживает, отец.

— Разве?

— У женщины, которая говорит исключительно по существу, дочь не может быть болтуньей.

— Вот и хорошо, — довольно кивнул он. — Видишь, ты уже все понимаешь.

И с видом человека, который мудро и вовремя завершил государственное дело, отец принялся за вторую половину яйца.

Я встал. Постоял. Взял со стола свою салфетку, зачем-то аккуратно ее сложил и положил обратно. У двери меня догнал голос:

— Теодор.

— Да, отец?

— Жилеты, кстати, оплачены.

Я обернулся. Он смотрел на меня поверх яйца, и в его лице на секунду мелькнуло что-то почти человеческое. Может быть, даже сочувствие. Может быть, просто отблеск от серебряной ложки.

— Спасибо, отец.

— Не за что. Это тебе в счет приданого.

В коридоре я задержался у окна. Бартоломью вышел следом, бесшумно, как всегда, и остановился в трех шагах, на дистанции, принятой для слуг, видевших своего хозяина в минуты слабости.

— Бартоломью, как вы думаете, она хотя бы миловидна?

— Говорят, да, ваше сиятельство.

— А смеется?

Мажордом помолчал. По его лицу проплыла тень чего-то, что в любом другом человеке я принял бы за сомнение.

— Я не слышал, ваше сиятельство.

Это было страшнее любого «нет».

Я посмотрел в сад, где на дорожке аккуратно ходил садовник Фома и вроде бы что-то говорил розам, и сказал вслух, как говорят о неизбежном:

— Скучная жена. Нет, право, не конец света. Просто конец всего остального.

— Совершенно верно, ваше сиятельство, — кивнул Бартоломью. — Прикажете подать пальто?

Я подумал. И вдруг, к собственному удивлению, почув-

ствовал, как внутри распрямляется что-то упрямое и очень знакомое. Я никогда не сдавался, не попробовав. Правда, обычно я сдавался, попробовав очень громко. Но это уже детали.

— Нет, Бартоломью. Подайте мне список всех балов этой зимы.

— Для чего, ваше сиятельство?

— Для кампании.

— Какой именно, ваше сиятельство?

Я расправил жилет, желтый в мелкую клетку, оплаченный в счет будущих пастбищ, и сказал с величайшей торжественностью:

— Я рассмешу эту женщину, если это будет последнее, что я сделаю.

— Осмелюсь заметить, ваше сиятельство, — сказал Бартоломью, не меняя выражения лица, — это может оказаться не последним.

Я предпочел не уточнять, что он имел в виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.